

# ЮЖНЫЙ КРАЙ

Издатель А. А. Иозефовичъ.

ЕЖЕДНЕВНОЕ ИЗДАНИЕ.

Редакторъ А. Н. Стояновъ.

ГАЗЕТА ОБЩЕСТВЕННАЯ, ЛИТЕРАТУРНАЯ И ПОЛИТИЧЕСКАЯ.

№ 113.

ХАРЬКОВЪ, ПЯТНИЦА 1 (13) Мая 1881 года.

ГОДЪ I.

ОТДѢЛЬНЫЕ ЛЕЖЕ „ЮЖНОГО КРАЯ“ ПРОДАЮТСЯ по 6 К.

ПРИНИМАЕТСЯ ПОДПИСКА

НА  
„ЮЖНЫЙ КРАЙ“,  
1881 ГОДА.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ:

|                                | 12 м. | 11 м. | 10 м. | 9 м.  | 8 м. | 7 м. | 6 м. | 5 м. | 4 м. | 3 м. | 2 м. | 1 м. |
|--------------------------------|-------|-------|-------|-------|------|------|------|------|------|------|------|------|
| Город, безъ доставки . . . . . | 10 50 | 10 10 | 9 25  | 8 50  | 7 75 | 7 —  | 6 —  | 5 40 | 4 50 | 3 50 | 2 40 | 1 20 |
| Город, съ доставкой . . . . .  | 12 —  | 11 50 | 10 75 | 10 —  | 9 10 | 8 20 | 7 —  | 6 30 | 5 20 | 4 —  | 2 80 | 1 40 |
| Изъгородные . . . . .          | 12 50 | 12 —  | 11 25 | 10 25 | 9 50 | 8 50 | 7 50 | 6 80 | 5 60 | 4 60 | 3 20 | 1 60 |

Допускается разсрочка въ платежѣ за годовую экземпляръ по соглаш. съ главной конторой газетъ.

Подписываться можно на всѣ сроки не иначе, какъ съ 1-го числа наждаго мѣсяца; но наждый срокъ простирается не далѣе какъ до конца 1881 г.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ: въ главной конторѣ редакціи газетъ въ г. Харьковѣ, на Московской ул., въ д. Императорскаго Харьковскаго Университета, № 7-й, при „Публичной Библиотецѣ“ А. А. Иозефовича; ТАЖЪ ЖЕ принимаются ОБЪЯВЛЕНІЯ.

Кромѣ того, подписка принимается въ 6-Петербургѣ—въ книжныхъ магазинахъ Н. Г. Мартынова и „Новое Время“; въ Москвѣ—въ книжномъ магазинѣ Н. И. Мамонтова и въ книжной и газетной торговлѣ П. Н. Шоломникова; въ Киевѣ—въ книжномъ магазинѣ Е. А. Федорова; въ Одессѣ—въ книжномъ магазинѣ В. И. Вилано; въ Полтавѣ—въ книжномъ магазинѣ Г. И. Волыно-Родзевича и въ Кременчугѣ, у нотаріуса И. Ф. Зинберберга.

ОБЪЯВЛЕНІЯ ПРИНИМАЮТСЯ: изъ Франціи исключительно въ Парижѣ—у Navas, Lafitte et Co, 8 Place de la Bourse; въ Москвѣ—въ Центральной конторѣ объявленій для всѣхъ европейскихъ языковъ, на Петровскій, домъ Солодовникова, въ Петербургѣ—въ той же конторѣ на Невскомъ проспектѣ, въ домѣ Струбинскаго и въ Варшавѣ—въ варшавскомъ агентствѣ объявленій Рейхманъ и Френдлеръ на Сенаторской улицѣ, въ домѣ № 22.

## СОДЕРЖАНІЕ:

Харьковъ, 30-го апрѣля 1881.

Изъ земской жизни, В. В.—а.

Шестая хроника.

Телеграммы: (отъ спеціальныхъ корреспондентовъ „Южного края“) и отъ „Международнаго телеграфнаго агентства“).

Внутреннія извѣстія: Корреспонденція „Южного края“ изъ Имсково, Александровскаго и Константинополскаго уѣздовъ и изъ Вѣнны; —Административныя новости.—Извѣстія изъ газетъ.

Обозрѣніе газетъ и журналовъ.

Политическое обозрѣніе.

Календарь.

Справочныя свѣдѣнія.

Фельетоны: Въ Россіи, К.—ка.

Примечаніе: Замѣтка на отчетъ „Дричова, В. Надлера.

Объявленія.

## ХАРЬКОВЪ.

30-го апрѣля 1881.

Телеграмма изъ Софіи принесла намъ извѣстіе, которое не можетъ не волновать до глубины души каждого русскаго человека, кому дороги политическія судьбы славянскаго племени, для котораго священные жертвы, труды и результаты недавней еще войны на Балканскомъ полуостровѣ. Здѣсь земля сожжена, чужіе ли не въ каждомъ вершкѣ своемъ, кровью русскаго солдата. Здѣсь страдала великая заботой души Государя Александра II-го, пришедшаго освободить и устроить болгаръ. Мѣсто

это для насъ свято есть. На немъ, казалось намъ, прочно построено было руками Царя-Освободителя здание государственной независимости и гражданской свободы одного изъ наиболѣе пострадавшихъ въ ряду всѣхъ мучениковъ-народовъ славянскаго міра. Мы были счастливы мыслію, что Россія заложила добрую сѣмяна для правильнаго политическаго развитія болгаръ. Мы надѣялись на богатые всходы изъ этихъ сѣмянъ въ будущемъ для всѣхъ славянскихъ народовъ. Повидимому, все это разсыпается въ прахъ передъ жестокою дѣйствительностью, которая выступаетъ изъ за строкъ гладко и красиво составленной телеграммы, гдѣ говорится о близкой смерти конституціи болгарскаго княжества. Внезапно, какъ Deus ex machina, явилось передъ нами, русскими людьми, заявленіе, что „Болгарія дискредитирована извнѣ“, что „положеніе дѣлъ поколеблено“, тогда какъ, лишь на дняхъ, читали мы извѣстіе объ приобритеніи этою „дискредитированною“ и поколебленною странною Пиротскаго округа отъ Сербіи, за 5 миліоновъ франковъ. Не менѣе поражающее насъ фразой о томъ, что установленный послѣ войны правовой и конституціонный порядокъ „поколебался въ народѣ вѣру въ справедливость законовъ“.

Въ тревогѣ душевной, спрашиваемъ мы себя: что будетъ дѣлать народъ

болгарскій, у котораго отрицается передъ дѣльнымъ міромъ „вѣра въ справедливость законовъ“? Найдеть ли народъ этотъ прямой и правильный выходъ изъ своего положенія, опираясь на учрежденія, данныя ему, въ качествѣ единственно-возможной формы правового государства, жертвами Россіи и благою волею нашего покойнаго Императора? Или же въ Болгаріи разиграется въ миниатюру сцена испанскаго ропотскаго мятежа, съ вариантомъ диктатуры бисмарковскаго пошпа, съ сосредоточеніемъ всѣхъ властей въ той десницѣ, которая держитъ мечъ и политической свистокъ въ кулакѣ своемъ? Тяжелы, мучительны вопросы эти. Но отвѣтъ на нихъ, вѣроятно, дастъ намъ недалекое будущее. Тогда мы увидимъ всю истину. Намъ станутъ ясными и назрѣвшими уже политическія способности болгарскаго народа, и та цѣна, которую дадутъ онъ государственному устройству княжества, гдѣ работали лучшія политическія силы Россіи,—и всѣ, очень возмозжны, вышнія вліянія, которыя подѣйствовали на пагубу конституціонной жизни юнаго княжества изъ банкирскихъ конторъ и штатсъ-канцелярій Вѣны и Берлина.

## Изъ земской жизни.

При взглядѣ на довольно крупную цифру, —96,558 р., назначаемую по смѣтѣ расходовъ полтавскаго губ. земства на народное образованіе и составляющую 27% всего земскаго бюджета, легко можно увлечься и подумать: вотъ земство, сердцу котораго близки интересы умственнаго развитія народной массы! Но если заглянуть глубже въ подробности распредѣленія этой суммы, то представляется совсѣмъ другая картина. Главная масса денегъ тратится на среднее образованіе, недоступное сельскому крестьянскому населенію,—главному земскому плательщику, выносящему въ то же время, почти исключительно, на своихъ плечахъ и бюджетъ государственныи.

Вотъ подробное распредѣленіе суммъ, ассигнованныхъ на образованіе полтавскими губернскими земствомъ. На лубенскую классическую гимназію, въ которой изъ 368 учащихся 331 чел. принадлежатъ къ сословіямъ привилегированнымъ, назначено на 1881 г. —17,872 р.; а отъ ея основанія израсходовано 250,000 р.

На реальныя училища въ Полтавѣ, Кременчугѣ и Ромнахъ, и на прогимназію въ Прилукахъ—23,740 р.

На 4 женскія гимназіи и 5 прогимназій—7,085 р.; на усиленіе средствъ

женскаго образованія въ уѣздахъ—3,100 р. На стипендіи 2 студентамъ медико-хирургической академіи—500 р. На образованіе дѣтей лицъ, служащихъ въ земствѣ—3,000 р.

На профессиональныя школы: фельдшерскую—12,375 р. и Дехтаревскую ремесленную, въ которой  $\frac{2}{3}$  учащ.—принадлежитъ сельскому населенію—20,000 р. На канцелярію губернскаго училищнаго совѣта—500 р. и учительскія сѣзды—3,100 р.

Въ ряду всѣхъ названныхъ учебныхъ заведеній первое мѣсто, по значенію для развитія жизни народной массы, съ перваго взгляда должно принадлежать Дехтаревскому ремесленному училищу. Но это оказывается далеко не такъ, такъ какъ Дехтаревское ремесленное училище устроено вовсе не для удовлетворенія народнымъ потребностямъ.

Основано оно вслѣдствіе предложенія тайнаго совѣтника Г. П. Галагана, въ даръ полтавскому губернскому земству своей усадьбы со всѣми принадлежностями къ ней постройками въ с. Дехтаряхъ, прилукаго уѣзда. Первоначально цѣлью этого пожертвованія со стороны г. Галагана, было учрежденіе учительской семинаріи. Но земское собраніе нашло болѣе полезнымъ для себя, устройство ремесленнаго училища, съ чѣмъ согласился, наконецъ, и г. Галаганъ. Долго разсуждали объ этомъ предметѣ земцы; у нихъ являлось даже раздумье,—принимать ли вообще подарокъ на образовательное дѣло. Баллотировали вопросъ объ этомъ подаркѣ три раза: устраивать ли вообще общепольное образовательное заведеніе, и затѣмъ какое именно: учительскую семинарію, или ремесленное училище. Были при этомъ и такія рѣшительныя отвѣты: „Ни на что не согласенъ. Графъ Оруркъ“. Однако большинствомъ голосовъ рѣшено устроить ремесленное училище, причѣмъ цѣль его опредѣлена такъ: „цѣль учрежденія ремесленнаго училища въ полтавской губерніи должна заключаться главнымъ образомъ въ образованіи мастеровыхъ, знающихъ съ устройствомъ разнаго рода земледѣльческихъ машинъ и орудій и съ ихъ дѣйствіемъ и могущихъ какъ исправлять въ нихъ поврежденія, такъ и изготовлять новыя отдѣльныя части, не требующія по своему свойству примѣненія высшихъ техническихъ знаній, или заводскаго производства“.

(Сводъ журн. полт. губ. земств. собр. 1877 г. стр. 162).

Какъ извѣстно, у нашего крестьянства еще не въ ходу разныя машины и усовершенствованныя орудія, да ему, по правдѣ сказать, и не до нихъ въ

настоящее время. Очевидно поэтому, что не для него устроено Дехтаревское училище. По поводу послѣдняго можно вспомнить только проектъ, бывшій во время оно у петербургскаго дворянства,—устроить на земскія деньги „образовательное“ заведеніе для приготвленія свѣдущихъ и добросовѣстныхъ кухарокъ. Какъ приготвленіе кухарокъ, такъ и образованіе машинистовъ есть не болѣе какъ употребленіе всеословно-общественныхъ денегъ на удовлетвореніе потребностей незначительнаго сословнаго меньшинства, имѣющаго „перевѣсъ въ земскомъ собраніи“ и не вѣщающаго себя надлежащаго отпора.

Итакъ, собственно на народное образованіе почти изъ 100 тысячаго земскаго бюджета, гг. полтавскіе земцы даютъ только 3,100 р. въ видѣ организаціи учительскихъ сѣздовъ. Но всякому понятно, что послѣдніе, имѣя цѣлью вырабатывать лучшіе педагогическіе приемы, получаютъ значеніе очень условное и во всякомъ случаѣ второстепенное. Лучшіе педагогическіе приемы тогда только могутъ быть примѣнены къ жизни, когда школы имѣютъ надлежащее помѣщеніе, когда онѣ снабжены въ достаточномъ количествѣ хорошими учебными пособиями, когда, наконецъ, сами учителя обезпечены и не рискуютъ умереть съ голоду. Существовать ли въ полтавскомъ земствѣ эти первостепенныя условія?

Обратимся для примѣра къ школамъ лубенскаго уѣзда. Обратимся къ нимъ потому, что лубенскій уѣздъ имѣетъ классическую гимназію и, слѣдовательно, можно ожидать—достаточно приготавливаетъ къ ней свое населеніе. Если существуетъ въ немъ уже среднее образованіе, то должно процвѣтать и низшее,—начальное образованіе. Середина предполагаетъ собою начало. Но вотъ какія свѣдѣнія почерпнемъ мы о народныхъ школахъ изъ отчетовъ лубенскаго земской управы.

Въ лубенскомъ уѣздѣ 25 училищъ, изъ которыхъ 23 содержатся на счетъ соединенныхъ средствъ земства, сельскихъ обществъ и частныхъ лицъ, и двѣ всецѣло на средства, собираемыя въ видѣ платы за ученіе.

Помѣщеніе 11 училищъ признается удовлетворительнымъ, а иногда даже избыточнымъ; но объ остальныхъ 14 говорится, что помѣщенія ихъ тѣсны, бѣдны и неудобны, даже совсѣмъ неудобны. Въ 15 училищахъ, по отзывамъ инспектора народныхъ училищъ, дѣло обученія идетъ удовлетворительно, въ нѣкоторыхъ даже хорошо; въ 10-ти же остальныхъ оно посредственно и неудовлетворительно, часто по

неспособности учителей.

Въ 12 народныхъ школахъ число учениковъ прибываетъ; въ 3-хъ оно изъ года въ годъ остается то же, а въ 10 прочихъ—ученики бѣгутъ: число поступившихъ въ продолженіи года гораздо меньше числа выбывшихъ до окончанія курса. Въ м. Яблоновѣ, напримѣръ, 54 ученика оставалось отъ прошлаго учебнаго года, затѣмъ 14 поступило вновь и 43 выбыло до окончанія курса; слѣдовательно, больше половины учениковъ разбѣжалось. Въ с. Сибѣнѣ изъ 71 ученика, выпило изъ школы до окончанія курса 45 и осталось 26. Въ с. Тишкахъ при началѣ учебнаго года школа состояла изъ 81 чел.; въ продолженіи учебнаго времени выбыло 51 и къ слѣдующему году осталось только 30 учениковъ. Курса никто не кончилъ. Даже въ школахъ признанныхъ хорошими, число ованчивающихъ курсъ не болѣе 2—5 человѣкъ.

Жалованье учителямъ болѣею частью равняется 100—115 руб. въ годъ. Въ 9 училищахъ оно менѣе 100 р.; въ нѣкоторыхъ изъ послѣднихъ учителя получаютъ 57 р., 35 р., 30 р., 24 и 18 р. Только въ с. Черевкахъ учитель получаетъ 215 р. и въ с. Десновскѣ (школа В. В. Лесевича, автора сочиненій о позитивной философіи)—200 р. Эта школа, хотя и признана инспекторомъ училищъ образцовою, вслѣдствіе политическаго доноса въ настоящее время однако закрыта.

Вообще всѣ сколько-нибудь удовлетворительныя школы обязаны своимъ положеніемъ усиліямъ частныхъ лицъ. Относительно нѣкоторыхъ изъ нихъ встрѣчаются въ земскихъ отчетахъ очень интересные отзывы инспектора народныхъ училищъ; напр. „училище находится въ очень удовлетворительномъ состояніи; учитель—Торскій имѣетъ и способности, и познанія и трудится добросовѣстно; душевно жалѣю, что ни земство, ни общество, не принимаютъ участія въ содержаніи училища“. Или: „училище въ хорошемъ состояніи, преподаватели трудятся добросовѣстно, усердно и съ пользою для учащихся; жалѣю только, что общество въ лицѣ сельскихъ урядниковъ и особенно волостного старшины не высказываетъ никакого сочувствія ни къ училищу, ни къ учителю“.

Въ то время, какъ нѣкоторые учителя усердно трудятся, а нѣсколько частныхъ лицъ помогаютъ народному образованію своими средствами и непосредственнымъ участіемъ, лубенское земство „соблюдаетъ экономію“. Въ 1878 г. напр. предполагено было на народное образованіе израсходовать

## ВНѢ РОССІИ.

Тунисская экспедиція и цивилизація Алжира.—Грамотность и развитіе деревенскаго населенія Франціи.—Скандалный процессъ парижскаго beau-monde.—Статистика счастливыхъ браковъ въ Англіи.—Соціальныя права женщинъ XII вѣка.—День рожденія „желѣзнаго канцлера“.

Тунисская экспедиція и вопросъ о возмущеніи кризисовъ уже болѣе двухъ мѣсяцевъ составляютъ главную тему самыхъ разнообразныхъ разсужденій иностранной прессы. Чѣмъ окончится вторженіе французскихъ войскъ на тунисскую территорію и удастся ли, подѣ благодарными предлогомъ „усмирения хищниковъ“, завладѣть Тунисомъ—представляется для республики вопросомъ дня. Цивилизаторскія наклонности Франціи, нашедшія себѣ такое блестящее примѣненіе въ Аліжирѣ, требуютъ новой почвы, а Тунисъ представляетъ въ этомъ отношеніи такой лакомый кусокъ, что соблазняется весьма не трудно. И вотъ мы видимъ, что горсть хищниковъ, произведшая нѣсколько пустыхъ стычекъ на границѣ Алжира, возбуждаетъ оживленные пренія во французской палатѣ, милліоны франковъ ассигнуются на мобилизацію войскъ, въ газетахъ и обществахъ слышится энергичные призывы: „въ Тунисъ! въ Тунисъ!“ и козловы за колоннами направляются въ Африку—отвоевывать территорію отъ варваровъ и насаживать тамъ плоды современной цивилизаціи. Въ томъ, что Франція дѣйствительно дѣлаетъ чудеса въ завоеванномъ ею Аліжирѣ, не можетъ быть

и сомнѣнія, если мы обратимся къ отчетамъ и рѣчамъ, которые произносятся въ настоящее время, на „конгрессѣ французской ассоціаціи для поощренія наукъ“, собравшемся въ этой, еще такъ недавно, „варварской странѣ“. До занятія французами Алжира, даже хлѣбопашество и скотоводство находилось тамъ въ самомъ низкомъ положеніи: туземцы не знали другихъ орудій обработки полей, какъ жалкія деревянныя сохи, и если получаемыя ими жатва доставляла средство прокормленія, то исключительно благодаря плодородію алжирскаго Телля (широкая прибрежная полоса). Въ настоящее время однихъ земледѣльческихъ машинъ имѣется въ Аліжирѣ 63,000 штукъ, на сумму 10 милліоновъ франковъ. вмѣсто полудикихъ козочниковъ, бродившихъ со своими стадами по необитаемымъ болотистымъ равнинамъ, мы видимъ болѣе 500 тысячъ головъ лучшаго породистаго скота, пасущагося на осушенныхъ, роскошныхъ лугахъ. Страна, отличавшаяся своею бѣдностью и полнымъ истощеніемъ, въ теченіе пятидесятилѣтняго протекторства Франціи, обратилась въ богатую житницу Европы. Хлѣбъ, табакъ, шолкъ, хлопчатникъ, виноградъ и красивыя растенія—все это широко культивируется Аліжиромъ, а апельсинами, бананами, фигами и фисташками Аліжиръ заволакуетъ европейскіе рынки, ведя обширную отпускную торговлю и ежегодно увеличивая свое благосостояніе. Почтенные ученые, собравшіеся

на конгрессѣ, заявляютъ передъ всѣмъ міромъ, что Аліжиръ, въ настоящее время, представляется чуть не самымъ раемъ; по крайней мѣрѣ, судя по ихъ рѣчамъ, видно, что правосудіе и образованіе совершенно переродили населеніе, что статистическія цифры преступленій падаютъ, а на ихъ мѣстѣ, ежегодно возвышались, стоятъ цифры грамотныхъ, и что недалеко то время, когда среди низшаго класса не будетъ ни одного безграмотнаго... Все это прекрасно, конечно, но какъ то трудно вѣрить, что образованіе идетъ въ Аліжирѣ такими быстрыми шагами, тогда какъ въ самой Франціи 48% населенія совершенно безграмотны!

Какъ извѣстно, во Франціи города отличаются особеннымъ многолуствіемъ и составляютъ около 50% всего населенія страны. Перенесъ произведенная за послѣдніе годы показала, что почти 48% городскихъ жителей не умѣютъ ни читать, ни писать, а слѣдовательно не отличаются особенною цивилизаціей. Если же мы примемъ во вниманіе, что по общему закону, города притягиваютъ къ себѣ лучшія силы провинціи, то получимъ весьма нерадостное заключеніе относительно положенія образованія въ деревняхъ. И дѣйствительно, французы, считающие Россію за варварскую страну, гдѣ, по ихъ мнѣнію, на главныхъ улицахъ въ провинціальныхъ городахъ „помѣщики съ кнутомъ въ рукахъ охотятся за лисицами“, и гдѣ въ настоящее время преобладаютъ „двѣ политическія

секты: скопцы и нигилисты“, право, не далеко ушли отъ нашей матушки Россіи. Конечно, мы не говоримъ о населеніяхъ городовъ, мы сравниваемъ только деревню съ деревней.

Не желая быть голословными, мы укажемъ на одинъ изъ ежедневно-совершающихся фактовъ, само собою разумѣется, въ глухихъ уголкахъ провинціи. Въ одной французской деревнѣ, въ общинѣ Гене, у покойнаго крестьянина умеръ ребенокъ. Погоревалъ отецъ, плакала мать, но тѣмъ бы дѣло и кончилось не околѣвъ почти одновременно корова... Такое несчастіе, обрушившееся неожиданно, нежданно возбудило, конечно, оживленные толки кулушскіе. Послѣ долгихъ сѣтованій и предположеній, крестьянинъ убѣдился что его „отглазил“, „заколдовали“... Тогда онъ отправился къ знахаркѣ и просилъ ее указать ему того злого чароушника, который позывлялъ его благосостоянію и просилъ совѣта, что ему сдѣлать, чтобы охранить себя на будущее время. Деревенская пифія не задумалась: она сказала, что колдовство дѣйствительно существуетъ, и что виновница его та женщина, которую онъ встрѣтитъ завтра утромъ, выйдя изъ дому. Чтобы предохраниться на будущее время отъ колдовства, знахарка посоветовала ему сечь виновницу на кострѣ... Крестьянинъ покорно выслушалъ рѣшеніе пифіи и вернулся домой, на земляномъ полу своей хижины приготовилъ костеръ изъ дровъ. На утро онъ вышелъ на крыль-

цо. Первая женщина, которую онъ увидѣлъ, была его ближайшая сосѣдка, пожилая, вздорная баба, любившая вѣшпываться въ чужія дѣла. Крестьянинъ пригласилъ ее къ себѣ въ домъ, заперъ въ окна и двери, зажегъ костеръ и повалилъ на него свою жертву. Ни мольбы, ни крики бѣдной женщины не помогли; онъ поджаривалъ несчастную, какъ курицу на вертелѣ, приговаривая: „не колдуй, не отнимай ребенка, не завидуй коровѣ!“... Видя, что смерть готова наступить и что бы дѣло и кончилось не околѣвъ почти одновременно корова... Такое несчастіе, обрушившееся неожиданно, нежданно возбудило, конечно, оживленные толки кулушскіе. Послѣ долгихъ сѣтованій и предположеній, крестьянинъ убѣдился что его „отглазил“, „заколдовали“... Тогда онъ отправился къ знахаркѣ и просилъ ее указать ему того злого чароушника, который позывлялъ его благосостоянію и просилъ совѣта, что ему сдѣлать, чтобы охранить себя на будущее время. Деревенская пифія не задумалась: она сказала, что колдовство дѣйствительно существуетъ, и что виновница его та женщина, которую онъ встрѣтитъ завтра утромъ, выйдя изъ дому. Чтобы предохраниться на будущее время отъ колдовства, знахарка посоветовала ему сечь виновницу на кострѣ... Крестьянинъ покорно выслушалъ рѣшеніе пифіи и вернулся домой, на земляномъ полу своей хижины приготовилъ костеръ изъ дровъ. На утро онъ вышелъ на крыль-

христианской религіи и живого, просящаго слова.

Но если въ низшемъ классѣ французскаго населенія неравнозвѣстность имѣетъ еще много представителей, то высшій классъ представляетъ образцы убогости, устраивая свои дѣла, и, не стѣсняясь средствами, добиваясь желаннаго результата. Въ самомъ непродолжительномъ времени, парижскому исправительному суду предстоитъ разсудить крайне скандальнаго процесса между г. и г-жею С., принадлежащими къ лучшему обществу и еще недавно заставлявшими говорить о своихъ раутахъ и балахъ. Дѣло это—страница современнаго романа, и какъ нельзя лучше рисуетъ парижскіе нравы и типы. Годъ тому назадъ, г. С. получилъ грустное извѣстіе, что его обманываетъ жена, что она имѣетъ возлюбленнаго, даже не одного... и въ обществѣ съ нѣсколькими представителями золотой молодежи, удивляетъ содержатель кафе своею роскошью и свободой. Услужливый предатель даже указывалъ, гдѣ происходить эти дукулосскія оргіи и въ какое время можно застать ихъ героиню въ полномъ разгарѣ. Оберегая честь своей фамиліи, С. отправился въ указанное кафе, захвативъ съ собою представителя полицейской власти, чтобы констатировать фактъ своего позора и тѣмъ получить право на разводъ. Облава была ведена искусно: всѣ выходы и входы кафе стереглись подъ наблюдениемъ мужа, такъ что невѣрной женѣ оставался одинъ исходъ:







кого. Лица, служащая во дворцах и, вообще, постоянно имущая сношения с дворцом, снабжены своими фотографическими карточками, для чего выписаны из Петербурга особые фотографы. На оборотной стороне фотографической карточки находится пропускная надпись, удостоверяющая личность владельца карточки и печать конторы. Дубликат фотографической карточки хранится в конторке при алфавитном указателе всех служащих и некоторых посторонних лиц, имеющих надобность ежедневно бывать в гатчинском дворце. В алфавитной книге подробно описаны приметы, звание и род занятий всех подобных лиц, так что, при малейшем сомнении, всякая личность может быть немедленно удостоверена. Начальник охраны в резиденции Государя, полковник Антонов, совершенствует эту часть ежедневно. Мысль о заведении фотографических карточек, при которых появление во дворце какого-нибудь Халтурина, безусловно немалым, принадлежит генерал-майору Н. М. Баранову. Мысль эту сочувственно встретила генерал-адъютант граф И. И. Воронцов-Дашков, неустанно заботящийся о безопасности Государя Императора.

— „Моск. Вѣд.“ телеграфируют из Петербурга: в город продолжал идти оживленные толпы о новых назначениях; правдоподобные слухи указывают в ближайшем будущем следующие перемены: граф Милютин назначается наместником Кавказа; граф Воронцов-Дашков — министром двора; начальником главного штаба граф Гейден — финляндским генерал-губернатором.

— „Нов. Вр.“ сообщает, что по сведениям берлинской „National Zeitung“ из Петербурга от 22-го апреля, выработанный в общих чертах новая правительственная программа отвечает воззрениям одного высочайшего лица. Программа эта сводится к следующим: подавление революционных стремлений и одновременно с этим широкая административная реформа, облегчение бюджета, сокращение численности армии, восстановление фортификационных работ за приисланным крестом, восстановление валюты.

— „Страна“ сообщает, что г. П. А. Валуев, адмирал К. Н. Посет и статс-секретарь Д. М. Сольский, не присутствовали в последнем заседании совета министров, посвященном обсуждению общего положения дѣл.

— „Нов. Вр.“ сообщает: наше правительство предписало русскому послу в Константинополе, Новикову, войти в сношение с Высочайшей Портой и настоятельно потребовать выдачи нигилистов русским агентам, слывшим за их каждым шагом.

— „Новости“ передают, что проектируется изменение законов о дуэлях.

— Государственный совет постановил увеличить кредит на устройство народных училищ.

— Прием женщин в телеграфную службу вновь разрешен.

— „Голос“ передает, как слух, что будто предстоит пересмотр положения о земских учреждениях.

— „Петербургский Листок“ сообщает, что 24 апреля, при очистке Лиговского канала в Петербурге, найден большой кожаный чемодан с порохом и какими-то закупоренными жестянками.

— Вследствие возмутительных беспорядков, произведенных толпою сего 26-го апреля, киевский генерал-губернатор, дабы избежать необходимости принятия крайних при их повторении для подавления мѣры:

1) обращается ко всем благочинным гражданам города с просьбою принять энергическое участие в предупреждении средств и деятельности каждого, ко вразумлению путем совета и убеждения тех лиц из простого народа, с которыми по роду своих занятий они находятся в каких-либо сношениях.

2) убеждает население, дабы оно, ради любви к родине, не увеличивало собою толпы и тем не затрудняло дѣятельности полиции и военных властей, направленных к разсылу скопищ и прекращению беспорядков.

3) предостерегает, что нежелательные последствия этому совету могут повлечься за невыполнением им обязанностей будущей толпы, и все взятое на мѣсто преступления участники беспорядков будут переданы военному суду, с применением к ним наказания по законам военного времени.

и 4) объявляет, что, вообще, всякое скопление народа на площадях и улицах безусловно воспрещается, засилье, если толпа все-таки образуется и по требованию полицейского или военного начальства не разойдется, то против нея будет, согласно существующему закону, употреблено оружие.

Подписать: киевский, подольский и волынский генерал-губернатор генерал-адъютант Дрентель.

— „Заря“ сообщает рассказы очевидцев о киевских беспорядках. Около 3 часов дня, 26 апреля, — безчинства дикой толпы были в самом разгаре. По Александровской улице уже виднелось множество больших магазинов совершенно разбитых и разграбленных; народ бѣжал к базарной площади, двигались за народом цѣлые батальоны пѣхоты, а базарная лавка окружала казаки, толпы народа кидались из стороны в сторону, в воздух стояла какой-то дикой гул, прорываемый оглушительным свистом. Толпа разорителей представляла собою положительное дикое стадо возбужденных; притом же, между ними нельзя было встрѣтить ни одного трезвого: с безмысленным криком безобразно пьяный обыватель, весь в пыли, лѣзет к лавкам, хватается за вывеску, пробует ломать дверь, бьет стекла, около него много образуется толпа, которая живо заражается примромом, — все это ревет, ломает и наконец пробивает двери и все падают в лавку, откуда тотчас вылетает на улицу все содержимое. Вначалѣ ничто повидимому не может сдержать дикого нападения, тут же около разорителей стоят войска, полиция, — но... продолжается дѣло разорения. Не успѣют кончить с одной лавочкой, толпа с гиком и криком набрасывается на другую и опять за ними слѣдует войско, их отгоняют, — а дѣло разрушения все продолжается. В некоторых случаях энергичная расправа и смѣлый рѣшительный образ дѣйствій тотчас же прекращали безчинство. Корреспонденту „Заря“ пришлось самому вступить в дѣло и вот в числѣ других смѣлчиков, они ринулись в самую толпу, рискуя быть прежде всего задавленными лошадьми и толпою; вбѣжали в лавку полуразрушенную... тут им попадаются в руки с полчищем, краденными шапками, нѣсколько пьяной черни; — бывший с ними необыкновенно сильный офицер двумя, тремя толчками почти один разогнал цѣлую кучу грабителей; при первой угрозе, первом замахе палкой, повалился вѣдь безпрестанно отбѣгал назад ограбленный и бѣжал со всех ног. Разграбление базарных лавок продолжалось около часу, — но опять-таки все это разбѣгалось тотчас же послѣ сколько-нибудь энергичнаго движенія вперед. Около семинарии, по Кирпильской улицѣ, добровольно приняла на себя команду один весьма энергичный усмиритель, молодой гусарскій офицер г. Д...скій, который всего с помощью пяти солдат задержал движеніе цѣлой улицы к площади и выдержал этот караван до полного затиха с этой стороны. Часовъ въ 5 на площади притихло. Городъ уже приняла совершенно иной видъ, — вездѣ войска, вездѣ патрули, посты. Генералы и офицеры разбѣгаютъ верхами по всемъ направлениям. Между тѣмъ, чрезъ нѣсколько минутъ началось усиленное движеніе к старокіевской части; здѣсь уже чуть ли не до тла растасканный домъ, к-вар. З. Бродскаго: окна все выбиты до одного, на улицѣ драгоценныя вещи, люстры, дорогая мебель; все это разбито, разломано, — прахомъ пушено по воздуху. Какъ могло все это случиться столь неожиданно и притомъ чуть ли не дверь съ дверью полицейской части и большой пожарной командъ — это осталось загадкой. Очевидно образовалось нѣсколько шаекъ, которые совершали набеги въ разные пункты. Вечеромъ, въ 9 часу, паника уже овладѣла положительно всемъ городомъ, — о евреяхъ и говорить нечего, — по улицѣ не видно было ни одного еврея. Надо замѣтить, что о случаяхъ убійствъ евреевъ или расправъ надъ личностью, ничего не слышно и кажется никакихъ случаевъ и не было. Все еврейскіе магазины во всемъ городѣ заперты и на многихъ даже сняты вывески. На многихъ окнахъ, даже на Крещатику, выставлены иконы съ зажаженными свѣчами. Вечеромъ на Подоль, на Александровской улицѣ все та же исторія, еще пожалуй с большимъ острепеніемъ, — разбиваютъ новые магазины, доказываютъ прежние, — шайки подвигались по лѣвой сторонѣ улицы довольно медленно и не пропускали послѣдовательно ни одного дома, — а войска и казаки двигались за ними... крики и ревъ стали страшнѣе, — отчаяніе, которое вызвала эта возмутительная картина дикого разгрома и притомъ не въ какой-нибудь степи, не на полѣ сраженій, а среди освѣщенныхъ улицъ благоустроеннаго города, просто не поддается описанію. Вотъ толпа подходитъ къ слѣдующему дому и бьетъ магазины нижняго этажа, запертые конечно наглухо, — изъ окна верхняго этажа, ярво освѣщеннаго, высвывается молодая красивая дѣвушка, она держитъ въ правой рукѣ свѣчу и освѣщаетъ ею икону, которой она машетъ въ народъ, — но это все нисколько не удерживаетъ разбушевавшейся черни, — вретъ,.... должно быть изъ жидовъ,.... для обмана значить, — валий...“ и т. д.

Дальше на Подоль почти все дома освѣщены и въ каждомъ окнѣ икона и свѣча, на деревьяхъ и заборахъ написанные жѣломъ кресты. Толпа гдѣ то реветъ за канавой! На Житнемъ базарѣ тоже былъ сильный потрохъ цѣлую ночь. Кабаковъ разбили много множество, — винные пары просто ослѣпляютъ когда подѣбъ жмется к канавѣ. За канавой домъ крупнаго торговца г. Френкеля тоже весь разнесъ и разбитъ его же мучной складъ, а мука лежитъ на улицѣ въ видѣ какъ бы свѣга, составленнаго изъ пуха отъ тюфяковъ и перинъ. Все почти продолжалось тотъ же безобразный разгулъ, тѣ же возмутительныя поруганія закона, порядка и личности человека и гражданина. Надъ Подоломъ стояли сотни ревъ, и свисты!...

27 апреля. Рано потрух, на улицахъ всюду расклеено объявленіе за подписью г. генерал-губернатора. Начальникъ края обращается къ благородному согражданамъ, убеждаетъ, предупреждаетъ и, наконецъ угрожаетъ энергичными мѣрами и оружіемъ. Это должно было дѣйствовать успокоительно. По Александровской улицѣ слишкомъ явные слѣды полѣйшаго разрушения всехъ магазиновъ съ еврейскими вывесками. Особенно ужасную картину представляютъ собою магазины Дурье (галатерейный) и Шингеля, — а также все магазины готового платья, кашовичъ и пр. Площади все оцѣлена войсками; солдатъ множество, — а среди площадей тоже будущущая, какъ будто, оставшая толпа, причѣмъ рельефнѣе видѣются отдѣльные типы, расхаживающіе въ своей безобразной пошлости, размахивающіе руками и галдящие. Войска все убеждаютъ толпу разойтись. Тутъ же, однако, на площади разноситъ какой-то большой магазинъ, вчера случайно уцѣлѣвшій, и окончательно его разбиваютъ. Потомъ солдаты прогоняютъ толпу дальше... въ маленькомъ переулкѣ начали разбивать какую-то маленькую лавку въ заборѣ и нагребались ее зажечь. Это нападеніе, однако, было вполне удачно разсѣяно налетѣвшей сотней казаковъ съ энергичнымъ укротителемъ во главѣ, г. Красовскимъ, — офицеромъ ахтырскаго гусарскаго полка, который и вчера особенно отличился своей распорядительностью и рѣшимостью. При его появленіи толпа какъ одинъ человекъ бросалась бѣжать; ни одинъ грабитель не дерзалъ вступать въ пререканія, чувствовалась сила и необходимость подчиниться сейчасъ же, безпрестанно. Съ своею сотнею г. Красовскій обѣщалъ весь базаръ и прилегающія улицы и мѣнѣе чѣмъ въ полчаса вся площадь и какъ бы весь Подоль совершенно преобразились и спокойствіе водворилось. Казаки стали подниматься по Александровской улицѣ. Тутъ на площади около думы, гдѣ были стоянки солдатъ, показались въ отрывѣхъ экипажъ генерал-адъютанта Дрентеля, который и отправился обзирать городъ. Между тѣмъ къ 10 ч. утра, не смотря на множество разставленныхъ цѣпей войскъ, бунтовщики проникли на Михайловскую улицу и здѣсь разбили и разграбили большой домъ г. Фихтенгольца, бывшій Янгинштейна. Въ два часа на Подоль опять видѣлась кучка грабителей, докалывавшихъ какую-то мебель. Солдаты смотрѣли, да наконецъ и двинулись дружно, кучка была снята и на мѣстѣ остался какъ-то рослый обыватель, повидимому убитый, его оттащили во дворъ!...

Въ 2 часа по полудни, въ воскресенье, 26 апреля, на Александровской улицѣ на Подоль по обѣимъ сторонамъ тротуара стояло множество любопытныхъ. Возлѣ магазина бакалейныхъ товаровъ Рафаила Заска видны были разбросанные бумажки, а интересовался узнать о случившемся. Часъ тому назадъ разграбили магазинъ и во время грабежа налетѣли казаки и толпа разбѣжалась въ распыленную. Все прочіе магазины на Александровской улицѣ въ это время еще не были тронуты. Группы евреевъ, испуганныхъ, растерянныхъ, съ выраженіемъ неоправданнаго страха на лицѣ, тѣснились въ дворахъ лѣвой стороны Александровской улицы. На толкучемъ рынкѣ представлялось слѣдующее: большая часть рынка занята народомъ, мирно хлопотавшимъ о своихъ дѣлахъ, не замѣчая того, что вооруженъ пѣхота. Въ одномъ углу, гдѣ сосредоточены деревянные лавки, стояла масса народа. Разбивали и грабили еврейскую лавку вчерашней принадлежности. Слышаса говоря, что какой-то еврей будто бы прибилъ христіанскаго мальчика и вотъ въ отместку и принялся грабить еврейскую лавку. Сталъ прибывать съ баранними, божьимъ взводъ солдатъ... Присутствовавшіе, но не участвовавшіе въ грабѣжѣ, въ испугѣ разбѣжались въ противоположную сторону. На Межигорской улицѣ, гдѣ вперевые представлялась картина полнаго разрушенія, о которомъ по описанію трудно судить.

Пока было разрушено нѣсколько домовъ. Мостовая сплошь покрыта была пухомъ, кругомъ валялись обломки мебели, пустыя бочки, всюду разлита была вода, отъ одного водочнаго запя-

ха голова могла закружиться. Стекла, рамы все выбито. Говорятъ, синагога въ результатѣ разрушенія была до основанія. Разорвали и растоптали сѣткы сѣткою заплети, чинило одинаково и христіанскіе и еврейскіе. Одинъ мальчикъ, подобравъ чернильницу, зачерпнулъ въ бочекъ воде и приподнесъ ее къ губамъ старухи, оснувшей импровизированную рюмку до дна. Мальчикъ приговаривалъ: „на, пей, бабуся“. Еще одна сцена, достойная кисти художника. Какой-то пьяный, едва пошатываясь, схватилъ валяющуюся среди густого слоя пуха ножку отъ разбитаго стола, бросилъ ее въ окно. Стекла задребезжали. Въ слѣдующемъ окнѣ того же дома видѣлись женщины съ мертвеною блѣдностью на лицѣ, державшія въ дрожащихъ рукахъ иконы. Солдатъ замѣтилъ герою печальнаго образа, что домъ христіанскій, за что онъ трогаетъ христіанъ (жидовъ, значить, можно!), ударилъ его кулакомъ въ лицо съ такою силою, что тотъ свалился на землю и долго не могъ подняться, ибо былъ мертвецки пьянъ. Долго барахтался онъ въ пуху и лужахъ воды, а почтенная публика надвигалась животными отъ хохота!...

У разрушенныхъ домовъ стояли солдаты и полицейскіе. Отъ времени до времени выходили изъ народа отдѣльные субъекты и бросали объ землю съ ожесточеніемъ мѣдную посуду. Похитить не пускали.

За мостомъ находились генералъ-губернаторъ, генерал-адъютантъ А. Р. Дрентель, гражданскій губернаторъ и старшій полицеймейстеръ, окруженные адъютантами и коновоемъ. Начальникъ края, губернаторъ и свита увѣщевали народъ, который сохранялъ гробовое молчаніе и палился назидать.

На Оболонѣ вездѣ попадались войска, стоявшія на улицахъ. Скопления народа нигдѣ не было видно и все въ этой мѣстности въ то время было совершенно спокойно.

На Александровской улицѣ во многихъ мѣстахъ перегорожено войсками. Пропускъ былъ запрещенъ, но проходили, хотя съ нѣкоторыми затрудненіями. Здѣсь „работали“ надъ двумя магазинами: однимъ съ мануфактурными товарами и другимъ съ готовымъ платьемъ. Готовое платье было особенно въ авантажѣ. Оборыши изъ босоногой команды превращались въ франтовъ. Въ ограбленныхъ магазинахъ оставлено было много тряпья мужицкаго, свитковъ, шароваръ, засаленныхъ шапокъ, какъ бы въ видѣ уплаты за взятый на прокатъ гардеробъ съ пиджаками. Число грабителей, повидимому, было весьма невелико. Фигурировали по большей части въ „работавшей“ компаніи молодые парни и мальчики, голыши, едва прикрытые лохмотьями, босонogie, по типу напоминая рабочіе мозолистые и смелые лица губерній, работающіе на пристани и приходящіе въ Кіевъ съ грузовыми баржами и плотами. Былъ и мѣстный элементъ, такъ называемый трущобный. Публика спокойно созерцала возмущавшее душу зрѣлище и умибалась!...

Солнечный день и праздничная одежда гуляющихъ христіанъ придавали всему весьма оживленный видъ. Незавѣстно чему болѣе удивлялись: дерзости ли грабителей, или возмутительному равнодушію публики.

Дальше вверхъ по Александровской улицѣ, новое скопленіе народа, изъ котораго видѣлась группа обывателей. Съ свистомъ, гикомъ, крикомъ: „ура!“ команда кинулась на какой-то табачный магазинъ. Въ одинъ мигъ ставни были подняты, окна выбиты, шайка ворвалась въ хранилище чужого имущества и стала съ бѣшеннымъ азартомъ выбрасывать ящики съ товарами. Толпа подхватывала на лету издѣлія изъ „чужого зелья“, брала что могла и уносила. У всехъ появились во рту сигары.

Къ этой толпѣ примѣшалась другая, покончившая съ магазиномъ мануфактурныхъ товаровъ шитого платья. На многихъ были напялены новые сортуки, пиджаки, пальто, по нѣскольку паръ брюкъ, шапки и проч. Старушки держали подъ мышками куски „жидовской“ матеріи, ситца, шерсти, шолка, бархата.

Что собираются бить евреевъ, объ этомъ давно уже ходили слухи. И дѣйствительно, въ субботу, 25-го апреля, полиція предупредила евреевъ, чтобы они не выходили въ воскресенье на улицу, и чтобы магазины были заперты. Объ этомъ распоряженіи начальства читалось во всехъ синагогахъ. Хотя еврейскіе показались страннѣе такого рода распоряженія (часть собираются бить, говорятъ евреи, и мы же должны прятаться), тѣмъ не менѣе въ воскресенье утромъ улицы были пусты, магазины вездѣ заперты и во многихъ домахъ, гдѣ живутъ евреи, заперты не только ставни, но и ворота, подвѣзды. До 11 часовъ утра было тихо, хотя уже были предвѣстники той страшной грозы, которая потомъ разразилась надъ Подоломъ. До этого времени были только мелкія стачки русскихъ съ евреями. Такъ, напримѣръ, двое мастеровъ

вышли поймали какого-то еврея около воротъ одного дома и вывели его на улицу краской. Еврей, разумѣется, закричалъ городского, который и не замедлил совершить судъ и расправу... „Такъ тебѣ и надо, пархатый! Вѣдь сидѣть дома, ну и сиди!“ Этимъ рѣшеніемъ публика осталась довольна и еврей оттирался. Большой публики нигдѣ еще не было видно. Шли какъ то группами, въ 3—5—10 человекъ.

Такъ было до 12 часовъ дня. Но въ 12 часовъ воздухъ вдругъ огласился дикимъ крикомъ, свистомъ, гиканьемъ, ревомъ и хохотомъ. Шла громадная масса мальчишекъ, мастеровыхъ и рабочихъ. До того никого не было, а тутъ, вдругъ, какъ бы волшебствомъ, вся улица была запружена босой командой. Дѣло разрушенія еврейскихъ домовъ началось.

Дѣло разрушенія продолжалось вплоть до 3-хъ часовъ ночи. Войска барабанили, командовали, оцѣливали народъ, и предлагали разойтись, — по толпа все ожесточеннѣе и яростнѣе нападала.

Многіе солдаты оказались ранеными, а одному казацкому офицеру выбили зубы и сильно ранили въ щеку.

Разореніе повсюду полное, сотни и тысячи разграблены. Какъ мы прожили этотъ роковой день и половину ночи трудно описать.

Въ 3 часа по полуночи крики мало по малу стали стихать, барабанный бой и командованіе стали рѣже, босая команда, усталая, довольная и нагруженная добромъ стала расходиться. Кое гдѣ перекликались и пересвистывались между собою коноводы отдѣльных шаекъ и, наконецъ, все погрузилось въ сонъ. Не спали только евреи — потому, что негдѣ было, такъ какъ вездѣ остались только одѣтъ стѣны, безъ дверей, безъ оконъ, не спали и потому, что они ждали повторенія тѣхъ же исторій съ наступленіемъ утра. Въ 7 часовъ утра улицы были пусты, только евреи испуганные, измученные, выглядывали изъ своихъ норъ. Многіе разбѣжались по гостиницамъ, которыя теперь буквально переполнены, другіе пріютились у своихъ сосѣдей, христіанъ. На улицахъ, на всѣхъ перекресткахъ были вывѣшены объявленія о томъ, что вѣрно поскать въ дѣло оружіе. Въ 10½ час. 27 апреля опять собралась громадная масса изъ вчерашней босой команды и стала ломать магазины какъ разъ напротивъ подольскаго полицейскаго участка. Засуетилось много войско, забилъ тревогу и бѣгомъ направился къ мѣсту разрушенія. Въ одну минуту прикладами и нагайками разогнали эту полупьяную массу и живо прекратили беспорядокъ. Еще въ двухъ, трехъ мѣстахъ вспыхнули разныя бѣства, но вездѣ были разгоняемы прикладами и штыками, наводящими на массу паническій страхъ.

Теперь вездѣ тихо, по всѣмъ улицамъ Подола стоитъ войско цѣпью и, по всему видно, что начальство не дремлетъ и рѣшилось на энергическія мѣры.

На Никольской Слободѣ беспорядки начались 26 апреля около 10-ти часовъ вечера: первые пострадали еврейскіе шитки, а потомъ толпы перешли къ лавкамъ. Къ 11-ти часамъ ночи шинки представляли собою руины, лавки разбиты, товары расхищены. Евреи ушли.

Около полуночи цѣлая ватага двинулась на Деміевку. Тамъ ни войска, ни полиція не было, такъ что банда чувствовала себя совсѣмъ на свободѣ. Прежде всего она бросилась на кабаки, гдѣ перенилась. Разбивъ эти кабаки, грабители бросились на дома и лавки. Но въ одной лавкѣ они выбрали дво изъ бочекъ съ керосиномъ, который и загорѣлся. Пожаръ быстро распространился, благодаря тому, что валялись удобовоспламеняющіеся предметы и никто и не думалъ тушить. Въ толпѣ стали носиться слухи, что подожгли будто бы сами евреи, но слухъ этотъ не совсѣмъ охотно поддерживался остальными, да имъ мало было дѣла до слуховъ, такъ какъ они были заняты грабежомъ. Евреи, которые успѣли, спаслись бѣгствомъ; остальныя, пожелавшіе спасти хоть что нибудь изъ своего имущества, получили довольно опасныя обжоги, а на пути толпа у нихъ отнимала все, наноса удары кулаками. Такъ было разорено въ нѣсколько часовъ все селеніе Деміевки. Огонь еще тлѣетъ.

— 27 апреля въ 5 час. по полудни на Жилинской улицѣ, къ пивному заводу Бродскаго подошла толпа и приступила къ атакамъ. Уже были выбиты стекла, ворота разбиты и передовой отрядъ вступилъ было во дворъ, но тутъ подошла пѣхота, дала залпъ холостыми зарядомъ, послѣ чего прикладами разогнала сборище. При этомъ арестовано нѣсколько человекъ. При дѣйствіи прикладами одинъ 10-ти-лѣтній мальчикъ получилъ сильный ушибъ въ голову. Залпѣмъ явилась полсотня казаковъ, которая докончила очистку улицъ Тарасовской и Жилинской. Казаки дѣйствовали нагайками. Глазѣночная публика вынуждена была разбѣжаться во все закоулки и дворы. Огонь

ной причиною одѣтой дамѣ достался ударъ нагайкой. Дамы выразили свой протестъ словами: „ахъ, какой невѣжа!“

— Только благодаря счастливой случайности, уцѣлѣла 27 апреля женская гимназія министерства народнаго просвѣщенія отъ страшнаго разоренія. Около 12 часовъ дня буйная толпа появилась на Михайловской улицѣ и рѣшила было начинать съ помѣщенія гимназій. Перепуганныя дѣти разбѣжались были на дворъ и въ садъ; изъ гимназій вышло нѣсколько лицъ для утихомиривающаго буяновъ; въ числѣ утихомирившихъ, какъ намъ передавали, былъ и директоръ гимназій. Потому то толпа оставила женскую гимназію и кинулась на домъ Фихтенгольца. И тутъ послѣдовали разореніе и грабежъ.

— Сегодня, 27 апреля, въ 7½ ч. вечера назначено экстренное засѣданіе киевской городской думы, вызванное происшедшими беспорядками.

— До вечера 27 апреля арестовано около 600 человекъ. Они заключены въ крѣпость. На 100 человекъ понадеялся до 15 душъ изъ такъ называемаго „подкультурнаго“ класса.

— Изъ м. Потокъ, каневского уѣзда „Заря“ пишутъ отъ 23 апреля:

На четвертый день праздника, около 5 часовъ вечера, крестьяне, въ числѣ 300 человекъ, будучи уже навеселѣ, напали вдругъ на еврейскую баню, недавно выстроенную, и разрушили ее до тла. Но это только было поводомъ для готовящейся драки. Толпа такъ и выжидала съ нетерпѣніемъ, чтобы кто нибудь изъ евреевъ появился на улицѣ, но послѣдніе были на столько благоразумны, что и носа не показывали. На увѣщанія старости, что это беззаконіе и беззаконіе, что крестьяне этимъ самымъ причиняютъ вредъ самимъ себѣ, такъ какъ евреи рѣшили пускать крестьянъ въ баню бесплатно, тѣ отбѣгали, что не только баню, но и хаты евреевъ разрушатъ. „Це имъ такъ и буде“, — говорили они. Ни старшина, ни сотскіе не могли повліять на нихъ. Одинъ мужикъ подстрекалъ другого, говоря, что за это ничего не будетъ. Въ ожиданіи повода крестьяне цѣлую ночь бодрствовали, проводя время въ пьянствѣ.

На слѣдующій день они начали съ атаки дома одного еврея Ар—ва. Слѣдуетъ замѣтить, что этотъ еврей съ крестьянами никакъ не дѣлалъ не имѣетъ и „сока не выжимаетъ“. Крестьяне продолжаютъ угрожать полнымъ разрушеніемъ еврейскаго имущества. Евреи чувствуютъ приближеніе страшнаго бунта. Самъ пострадавшій Ар—въ побѣжалъ въ Кіевъ доложить г. губернатору о случившемся.

— По словамъ „Новаго Времени“, нѣсколькоими воспитателями и преподавателями привилегированныхъ казенныхъ интернатовъ въ С.-Петербургѣ задумано устройство во время предстоящаго каникулярнаго времени санитарной колоніи на кавказскихъ минеральныхъ водахъ, для доставленія возможности больнымъ дѣтямъ воспользоваться разстроенное здоровье преимущественно климатическимъ дѣйствіемъ, которое недоступно на этихъ водахъ отдѣльнымъ семействамъ.

— Среди моряковъ черноморскаго флота, по словамъ николаевского корреспондента „Одесскаго Вѣстника“, на основаніи полученныхъ извѣстій изъ Петербурга, идетъ молва, что нѣкоторые изъ судовъ, имѣющихъ кампанію, будутъ совершенно исключены изъ списка судовъ военнаго флота и отведены въ портовое кладбище. Первое мѣсто въ числѣ этихъ судовъ занимаютъ пресловутыя поповки. Затѣмъ едва ли не такая же участь постигнетъ и отдохнувшую до сихъ поръ въ Феролѣ поповку-яхту „Лавадія“.

ОБОЗРѢНІЕ ГАЗЕТЪ И ЖУРНАЛОВЪ.

Въ „Кіевлянинѣ“, по поводу безпорядковъ въ Кіевѣ, напечатано: Когда возмущеніе, пожаръ, какой бросается на помощь, не пыривая, кому приналежитъ горючее имущество. Къ этому побуждаетъ и чувство христіанскаго милосердія, и чувство гражданскаго долга, и сознание общей опасности. Такъ обязанъ поступать каждый и во время другихъ общественныхъ тревогъ. Кіевъ совершенно неожиданно сдѣлался мѣстомъ дикихъ безобразныхъ сценъ. Возмутительныя безчинства, направленные противъ евреевъ и сепаратизма въ ихъ мѣстахъ, мѣшающіе евреямъ евреямъ, что придавало этимъ безобразіямъ еще болѣе отталкивающій характеръ, продолжались въ теченіе почти двухъ дней. Борьба противъ дикого насилие составляла общую гражданскую обязанность. Высшая власть въ лицѣ г. главнаго начальнаго края, напоминая гражданамъ города объ этой обязанности и призывая ихъ оказать содѣйствіе усмирению толпы и возвращенію порядка. Въ классѣ населенія должны единодушно откликнуться на этотъ призывъ. Да того, чтобы положить навсегда предѣлъ этимъ бѣствамъ, которыя не могутъ быть терпимы въ христіанскомъ городѣ и серьезно грозятъ общей безопасности, необходимо, чтобы горожане употребили все нравственное и физическое, и кромѣ того собственными усиліями прерывали всякую малѣйшую попытку къ беззаконіямъ въ тотъ моментъ, когда она начинается.

Въ особенности можетъ оказать помощь киевское старинное и вліятельное русское купечество и мѣщанство. Оно близко стоитъ къ народу, оно умѣетъ говорить его языкомъ. Пусть каждый объяснитъ, что дѣлалъ насилья ни къ чему не ведутъ, что о и только позорятъ нашъ городъ; что всякое бѣство и беззаконіе не достойно истиннаго христіанства и върно поддан-







## Замѣтка на отвѣтъ Г-на Дринова.

Въ 106 № „Южнаго Края“ мы прочли отвѣтъ г. Дринова, отвѣтъ вполне достойный нашего критика. Полагаю, что я оказалъ бы самую плохую услугу читателямъ „Южнаго Края“, если бы, слѣдуя примѣру своего противника, осыпалъ бы, въ свою очередь, и его обвиненіями въ невѣжествѣ, искаженіи фактовъ и т. д. Пусть полемическіе приемы г-на Дринова остаются его исключительною принадлежностью; я ограничусь лишь немногими указаніями на суть дѣла. Г-нъ Дриновъ начинаетъ сѣтованіями на то, что я своимъ отвѣтомъ затемнилъ еще болѣе то дѣло, для уясненія котораго онъ счолъ долгомъ написать свои замѣтки. Прочитавъ внимательно весь отвѣтъ г-на Дринова, безпристрастный читатель придетъ, безъ сомнѣнія, къ совершенно обратному заключенію. Въ самомъ дѣлѣ, кто затемняетъ и извращаетъ все дѣло, авторъ ли послѣдней фазы восточнаго вопроса, или его критикъ? Въ чемъ заключались главные пункты спора, спора, вызваннаго г. Дриновымъ? Въ противоположность моимъ заключеніямъ, г-нъ Дриновъ утверждалъ, что берлинскій договоръ рсточалъ Портѣ однѣ милости, что Порта не выполнила важнѣйшихъ постановленій договора, и что, наоборотъ, съ противной стороны было выполнено все, за исключеніемъ однихъ мелочей и ничтожествъ. Противъ всѣхъ этихъ утвержденій моего критика, я представилъ въ своемъ первомъ отвѣтѣ возраженія, — указалъ ему между прочимъ и на то, что я говорилъ о жертвахъ, наложенныхъ на Турцію Берлинскимъ, а не С. Стефанскимъ договоромъ. Какъ же отнесся мой критикъ ко всему этому? Онъ уклонился отъ всякаго прямого отвѣта и постарался перенести споръ на новую почву. Забывъ все то, что сказано было имъ въ замѣткахъ, онъ смѣло утверждаетъ теперь, что говорилъ лишь о подчиненіи восточной Румелии турецкому генералъ-губернатору и позволилъ себѣ спросить меня только: какія, столь тяжолыя, обязательства Берлинскаго трактата выполнила тутъ Порта? Далѣе г-нъ Дриновъ объявляетъ, что онъ ссылался на С. Стефанскій миръ не какъ дипломатъ, а какъ критикъ моей статьи. Говоря простымъ языкомъ, онъ желалъ придратъся во что бы то не стало ко мнѣ. Вотъ все, что нашолся отвѣтить

г-нъ Дриновъ на мои возраженія. Затѣмъ онъ переходитъ уже къ нападенію и начинаетъ разбирать степень нашей компетентности въ дѣлѣ, о которомъ писали мы. Понятно, что компетентность эта въ глазахъ г-на Дринова равняется нулю. Доказывается это очень просто. Говоря о трехъ частяхъ Болгаріи, отторгнутыхъ въ Берлинѣ въ пользу Румыніи, Сербіи и Турціи, частяхъ, не обозначенныхъ впрочемъ съ точностью у г-на Дринова, я подразумѣвалъ главнымъ образомъ Добруджу, старую Сербію и Македонію. Совершенно не то угодно теперь понимать подъ ними г-ну Дринову. Но спрашивается: потерю какихъ же частей Болгаріи оплакиваетъ г-нъ Дриновъ? Добруджу онъ отдаетъ охотно, онъ готовъ отказаться и отъ старой Сербіи и отъ Македоніи, но онъ стоитъ за небольшой прирѣзокъ къ Добруджѣ съ южной стороны отъ Монгаліи до Силистріи, — клочокъ, равняющійся нѣсколькимъ десяткамъ квадратныхъ миль, за Пиротскій округъ (56 к. м. съ 50,000 жителей частью болгарскаго, частью сербскаго происхожденія), прибавленный въ Берлинѣ къ Сербіи, и замѣчаетъ, что онъ не включалъ всей нынѣшней Македоніи въ ту часть Болгаріи, о которой шла у него рѣчь. На основаніи всего этого, г-нъ Дриновъ упрекаетъ меня велѣдь за тѣмъ въ поверхностномъ знакомствѣ съ Берлинскимъ и С. Стефанскимъ договоромъ, въ смѣшеніи самыхъ простыхъ понятій, общезвѣстныхъ географическихъ терминовъ, въ глумленіи надъ непогрѣшимою учонностью его, г-на Дринова, и въ незнакомствѣ съ самыми основными пособіями для изученія этнографіи балканскихъ земель. И все это, замѣтите, на основаніи того, что г-ну Дринову угодно понимать подъ своими словами совсѣмъ не то, что понимаютъ другіе. Ни въ нашей статьѣ, ни въ отвѣтѣ г-ну Дринову, мы не считали нужнымъ обозначать подробно тѣ области и клочки земель, которые входили въ составъ Болгаріи с. стефанской и Болгаріи берлинской. Употребляя такіе термины, какъ Добруджа, старая Сербія и Македонія, мы хотѣли обозначить ими лишь тѣ части балканскихъ земель, которыя предоставлены были въ Берлинѣ, — Сербіи, Румыніи и Турціи и болѣе ничего.

Г-нъ Дриновъ утверждаетъ, что я бросилъ



ему вызовъ, указавъ на огульный и голословный способъ его обвиненій и пытается вслѣдъ за тѣмъ разгромить меня своею тяжеловѣсною учоностью, испещренною не только нѣмецкими, но даже италіанскими цитатами. Тактика моего противника при этомъ блещетъ, какъ и всегда, своею оригинальностью и смѣлостью. Онъ приводитъ нѣсколько фактовъ изъ прошлаго Румыніи, фактовъ, свидѣтельствующихъ, что Турки встрѣчали по временамъ и въ этой странѣ упорное сопротивление, и выводитъ изъ этого цѣлый рядъ заключеній, во первыхъ, о моемъ незнаніи этихъ фактовъ, во вторыхъ, о полной невѣрности моего отзыва о прошломъ румыновъ и албанцевъ. Съ торжествомъ спрашиваетъ мой критикъ, гдѣ прикажетъ искать г-нъ Надлеръ то двойное иго фанаріотовъ и пашей, подъ которымъ томились Румыны цѣлые вѣка? Отвѣчаю. Единичные факты, приводимые г-номъ Дриновымъ, факты впрочемъ мнѣ хорошо извѣстные, нисколько не могутъ придать румынской исторіи того героическаго характера, которымъ отличается исторія албанская. Дѣло не въ подвигахъ отдѣльных лицъ, а въ характерѣ стремленій всей націи и въ результатахъ. Албанцы никогда не теряли вполне своей независимости, румыны подчинились въ концѣ концовъ безусловно турецкому господству... Никогда албанцы не подчинялись такъ рабски двойному греко-турецкому игу, какъ румыны. Вѣдъ самъ г-нъ Дриновъ соглашается, что Румынія находилась то въ васальной зависимости Турціи, то Польши; вѣдъ по его собственнымъ словамъ фанаріоты распоряжались въ Румыніи около 100 лѣтъ. Туземные господа, о которыхъ говоритъ г-нъ Дриновъ, держали массу народа въ самомъ страшномъ рабствѣ, сохраняли же они свое полунезависимое

положеніе, единственно, благодаря географическому положенію Румыніи на рубежѣ мусульманскаго и христіанскаго міра. Правда, многіе албанцы принимали исламъ, а другіе бѣжали въ Италію, но что же это доказываетъ? Я полагаю только—ихъ свободолюбіе и больше ничего. Сербы также принимали исламъ, а другіе тысячами бѣжали въ Австрію. Румыны не дѣлали ни того, ни другого, они предпочитали безусловное подчиненіе туркамъ,—г-нъ Дриновъ видитъ въ этомъ геройство, это его дѣло. Г-нъ Дриновъ утверждаетъ, что наши историческія свѣдѣнія по албанскому прошлому взяты изъ области романа и въ доказательство приводитъ, что мы ничего не знаемъ ни объ открытіяхъ К. Гопфа, ни о славянскомъ происхожденіи Скандербеге. Мы не сочли нужнымъ говорить о родословной албанскаго героя—это правда, знаемъ же ли мы объ этой родословной, а равно, знакомы ли мы съ изслѣдованіями К. Гопфа, это вопросъ другой—разрѣшать который напрасно хлопочетъ г-нъ Дриновъ. Замѣчательно, что г-нъ Дриновъ не коснулся въ своемъ отвѣтѣ ни вѣнскихъ журналовъ въ родѣ „Kikiriki“, ни состава и характера болгарскаго собранія, ни, наконецъ, загадочнаго для него закона, вызвавшаго veto князя Александра. Онъ ограничился на этотъ разъ апелляціею къ русскимъ офицерамъ на болгарской службѣ; чего желаетъ достигнуть онъ этимъ обращеніемъ и на какой путь вступаетъ онъ тутъ, пойметъ, полагаю, каждый.

Г-нъ Дриновъ заявляетъ, что онъ отказывается отъ дальнѣйшей полемики со мною; то же самое спѣшу заявить съ своей стороны и я. Полемизировать въ томъ тонѣ и направленіи, которые усвоилъ себѣ г-нъ Дриновъ, я вообще не въ состояніи.